

Письма с фронта

Холодным октябрьским днем 1936 года девушка сошла с грузского парохода «Эскимос» на берег устья реки Воровской. Катя, Екатерина Сысоевна Мирославская, так звали молодую учительницу, спешила на первое в жизни место работы — в Соболевскую начальную школу, ведь учебный год давно начался.

Кате повезло на попутчиков: вместе с ней в Соболево ехала семья старожилов-соболевчан Карисон. Они и сказали Кате, что надо еще километров 15 по Воровской на бату подниматься.

— Пойдемте, Катенька, в дом-барак для рыбаков, обогреется, пока октябрь случится. Часа через полтора приехавших разыскал молодой парень, энергичный, деловой. Извинился.

— Подождать придется, товарищи. Шторм надвигается, а груза для нашего колхоза на пароходе еще много, на целый завтрашний день хватит. Так что только через сутки на Соболево батами пойдем.

Ждать сутки не хотелось, и по просьбе приехавших парней тотчас же перевез их батом через лиман, а там уж они двинулись пешком на Соболево.

На другой день тот же парень разыскал молодую учительницу в селе и уладил вопрос с квартирой для нее. Катя уже знала, что этот вежливый парень — Пантелеймон Ворошилов, председатель колхоза «Пионер Запада».

Нельзя удивляться, что тогда, что руководитель большого колхоза так юн: председателем шел двадцать первый год. К слову сказать, та первая встреча на берегу Воровской определила будущее молодых людей: они создали потом семью.

И эта молодая семья, как и сотни других в Соболево, жила в унисон с великой страной. В далеком камчатском селе люди строили социализм, укрепляли Советскую власть, готовились защищать Родину, чувствуя приближение грозных событий.

Шли годы... И были они спяны жаркой борьбой за урожай, горением комсомольских будней, счастьем молодости, верой в будущее, которое всегда прекраснее настоящего.

Но пришла та пора, когда соболевских парней один за другим стали провожать односельчане в дальнюю дорогу — до Петропавловска. Оттуда они уезжали на фронт. Приходили потом в родное село солдатские треугольники, но не от каждого...

Трепетно ожидали фронтовых писем и в семье Ворошиловых. Одно из них начиналось так: «В бой вступили 17 ноября 1941 года под Сталинградом, и по настоящее время бьем гадов в Тульской, Смоленской областях. Они — варвары! Сколько сожженных деревень! Когда пойдут возле сторежних домов, то так жалко, что даже слов нет описать. Ну, ничего, за все это, что они наделали, поплатятся собственной кровью, не останется ни одного гада на нашей земле!»

Радио в наших краях тогда не было, и газетные сводки Совинформбюро да такие вот фронтовые письма тонкими, непрочными нитями накрепко связывали далекий тыл с фронтом. Письма читали-перечиты-

вали, болели той солдатской болью и гневались солдатским гневом.

«31 декабря 1941 года. Мы входим в горящую деревню. Крутом — тихо-тихо, и вдруг по нам хлестнули автоматные очереди. Мы, конечно, начали «жариться». Разбили фашистов в прах и освободили деревню».

Почти 40 лет назад было написано это письмо в скупые

минуты отдыха между боями. Пульсирующие жизнью строки! Почему они и сегодня так волнуют нас? Потому что в руках таких вот простых советских людей была тогда судьба нашей Родины, наша судьба. «Я считаю», — писал Пантелеймон Ворошилов родным, — что вы будете рады тому, что я участвую в Великой Отечественной войне. Скоро придет крах немецким псам, которые загадили нашу землю».

Пантелеймон Ворошилов — первый офицер из соболевских парней, он окончил школу командиров, воевал в звании старшего лейтенанта. Так мог писать и чувствовать только настоящий человек и патриот, убежденный в своей сытой правоте.

Войну не суждено звать, сколько ему жизни отпущено и все же самые сокровенные думы — о доме, колхозе, личном труде: «Вот закончится война, приеду и опять буду работать». Но пока враг не уничтожен все помыслы и поступки должны быть подчинены интересам фронта: «Мама, передай председателю Сыркову или Виктору Бенкису, пусть выловят рыбы сверх всякого плана, пусть дадут фронтовой центнер».

Пантелеймон пишет оставшимся в селе колхозникам наказ: «Работать честно и здорово, чтобы не считались ни с чем, чтобы колхоз был передовым. Этим поможете фронту, а я постараюсь здесь, на фронте, из фашистов «урожай» сделать — закончить жизнь любого гада, чтобы не видеть ему Бералина. Короче говоря, давайте соревноваться».

Ему, Пантелеймону Ворошилову, быть бы пахарем или охотником, рыбаком или строителем, но не судьба... А ведь его и теперь еще помнят председателем колхоза соболевчане А. М. Бенкис, С. И. Будько и другие старожины.

Все, за что брался Ворошилов, у него спорилось: организовывать ли охоту на пушного зверя, начать ли путину, вести ли строительство. Его видели летом — пешком, на бате, верхом на лошади, зимой — на нартах с собачьей упряжкой. Неугомонный, он везде успевал побывать, знал, кого похвалить, кого пожуришь, кому помочь, а с кем и посоветоваться.

Не обделен был он и другими талантами: и хорошо рисовал, играл на гитаре, скрипке, мандолине, неплохо пел — и все это от души, искренне и непринужденно.

Там, далеко, в грохоте тяжелой войны и в минуты редкого затишья вспоминал, наверное, соболевский парень родное село, реки, богатые рыбой, своеобразие Охотского моря, своих друзей и тех, кого любил. Не довелось ему: более увидеть, как занимается камчатское утро, как щедро цветет весенняя тундра, не довелось познакомиться сыну — многого не успел он сделать на своей земле.

Остались о нем светлая память друзей, верная любовь близких, чистая благодарность тех, кто обязан им, погибшим, жизнью своей. Да братская могила за деревней Троице в Покровском районе Ленинградской области. Но никто не забыл, ничто не забыто!

Е. РАДЬКОВА,
заслуженная учительница
РСФСР.